

Н О В Ы Й ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ ПАМЯТИ ГОГОЛЯ

А В Т О Р Ы:

Л. Андрусонъ, Нило-
лай. Архиповъ, К. Ба-
ранцевичъ, Л. Василев-
скій, Л. Гуревичъ,
М. Гальперинъ, А. Ку-
принъ, Л. Козловскій,
Вл. Ладыженскій, В. Лен-

скій, Вл. Муриновъ,
В. Поссе, И. Рѣпинъ, А. Ро-
славлевъ, А. Свирскій,
Сила - Дворяниновичъ,
Н. Фалѣевъ, Е. Чир-
ковъ, Чужь-Чуженинъ,
И. Щегловъ, Н. Эфросъ.

Иллюстраціи: И. Рѣпинъ—1) Отъѣздъ Тараса Бульбы съ сыновьями въ Запо-
рожскую Сѣчь, 2) Гоголь и о. Матей, 3) Запорожцы. Баронъ М. Клодтъ—4) Старо-
свѣтскіе помѣщики. А. Кондратенко—5 и 6) Усадебъ Гоголя, Яновка. А. Ивановъ—
7) Портретъ Гоголя.

Рисунки худ. С. Чехонина: 1) Капитанъ Копейкинъ, 2) Городничій, мечтающій о
генеральствѣ.

1909

МАРТЪ

№ 5

РУССКАЯ ТРОЙКА.

Вл. Ладыженского.

(Памяти Гоголя и Чехова).

«Эхъ, тройка, птица-тройка!—кто тебя выдумалъ?.. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ... Русь, куда жъ

несешься ты? Дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта».

Можетъ быть, это и хорошо, что она не дала прямого и точнаго отвѣта своему испуганному и чуткому поэту. Молча неслась тѣла съ Ноздревымъ и Сквозникъ-Дмухановскимъ, съ Хлестаковымъ и Собакевичемъ. Въ самомъ передкѣ, скрючившись и придерживаясь за грядки, примостился, разумѣется, Держиморда... Русь, куда жъ несешься ты?

Въ точности никто не зналъ этого. Ярославскій мужикъ соображалъ только—доѣдетъ ли его колесо до Казани, голодать у Плюшкина, промѣнивался на щенятъ у Ноздрева. Славянофилы набожно вѣровали въ эту Русь, у которой «особенная статья», Бѣлинскій мучился «гнусной рассейской дѣйствительностью», гр. Канкринъ на представленіи Ревизора находилъ, что «не стоило ѣхать смотрѣть эту глупую фарсу». Молча неслась удивительная тройка.

Мужикъ, занятый прочностью колеса, ошибся маленько въ направленіи. Казань была гдѣ-то далеко позади. Во всякомъ случаѣ ближе былъ Севастополь. Безпомощная и обворованная армія медленно двигалась въ непролазной грязи къ разгрому и разоренію. Капитанъ Копейкинъ шель «въ нѣкоторомъ родѣ проливать кровь, относительно сказать—жертвовать жизнью». Навѣрное онъ при этомъ заботился о казовомъ концѣ, о внѣшности своей гарнизы. И не онъ одинъ, а всѣ его молодые товарищи—и поручикъ Кувшинниковъ и штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ. Можетъ быть, даже, они молодцовато покрикивали на солдатъ: «держи рожу страшнѣй, ѣшь другъ друга взоромъ». Была, говорятъ, такая команда. И мужикъ, составлявшій священную собственность Коробочки, дѣлалъ страшную рожу. Но чему это могло помочь?

Хорошо, конечно, что Русь не дала прямого и точнаго отвѣта своему чуткому поэту. Гоголь и безъ того безмѣрно страдалъ. Его огромный талантъ вызвалъ на свѣтъ Божій отрицательную сторону русской дѣйствительности, и она черной тѣнью окутала его душу. Она мучила и томила, истязаніямъ, казалось, не будетъ конца. Талантъ, какъ Аэндорская волшебница, могъ вызвать страшную тѣнь, но не былъ уже властенъ заставить ее скрыться. Съ страшной тѣнью надо было жить, до конца, идти съ нею рядомъ. Она была мрачна и молчалива, какъ всякая тѣнь. Если бы она заговорила, то могла бы произнести только три слова: *такъ жить нельзя*. Могъ ли бы вынести такой приговоръ чуткій поэтъ, ко-

торый самъ не зналъ доподлинно, какъ именно надо жить, и мучительно бился надъ этимъ вопросомъ? И та же страшная тѣнь, окутывшая сумерками душу, мѣшала разрѣшенію вопроса. Но она, по крайней мѣрѣ, промолчала. Можно было еще мечтать. Ахъ, если бы не было Костанжогло и Муразова, то ихъ, конечно, слѣдовало бы выдумать.

И потомъ—надо просто написать людямъ, чтобы они были добрыми, чтобы они охотно шли не только въ генераль-губернаторы, но и въ капитанъ-исправники. Хоть маленькую пользу принести можно: не надо брать взятку. А какъ сильно можетъ улучшить жизнь губернаторша!.. Чувствуя трепетъ терзаній души поэта, вы прочтете объ этомъ въ письмахъ къ калужской губернаторшѣ. А если ужасъ крѣпостного права, самый реальный ужасъ, какъ кошмаръ стоитъ надъ страной, то тѣмъ болѣе помѣщикъ долженъ быть добръ, благоразуменъ и разсудителенъ. По его адресу сыплется много рецептовъ. Вотъ одинъ, не изъ самыхъ плохихъ. «Мужика не бей: съѣздить его въ рожу еще не большое искусство; это сумѣетъ сдѣлать и становой, и сѣздатель и даже староста,—мужикъ къ этому уже привыкъ и только что почешетъ слегка у себя въ затылкѣ. Но умѣй хорошенько пронять его словомъ...» Весь ужасъ этихъ писемъ въ томъ, что онѣ искренно ищутъ добра и хотятъ хоть немного скрасить дѣйствительность. Ужасъ въ томъ, что онѣ писаны въ серьезъ, въ самый серьезъ.

Прошло много лѣтъ... И вотъ это написано уже не въ серьезъ, а въ шутку, милую, но грустную шутку: «Vive monsieur le membre de l'hôtel de zemstvo. Vive la punition corporelle pour les moujiks! Служи безпорочно, помни присягу, не распускай мужика, и если нужно, то поськи; всякаго нарушителя долга прощай какъ человѣкъ, но наказывай какъ дворянинъ». Чеховъ шутилъ. Но какая скорбная мысль о народѣ и російской дѣйствительности могла вызвать такую иронию? Наслѣдникъ Гоголя, вдумчивый и глубокий, насмѣшливый и грустный, казалось, всю жизнь по своему переживалъ трагедію Аэндора. Развѣ не его талантъ вызвалъ на свѣтъ Божій современную ему сумеречную дѣйствительность, развѣ она не прошла по душѣ его страшной тѣнью?

Разсвѣта въ общественной жизни не было видно. Земство заводило аптечки и библиотечки для внуковъ дяди Митяя и Миняя и

того мужика, который смастерил колесо. Потомки гоголевских губернаторов по ошибкѣ прекращали не столько взятки, сколько библиотечки. Внуки дяди Митяя въ измѣнившихся формахъ жизни «отошли на волю» отъ Собакевича, не были священной собственностью помѣщицы Раневской, но задыхались «въ оврагѣ», болѣли нищетой, чесоткой и недоимками, спивались и погибали именно такъ, какъ рассказано это въ «Мужикахъ». Относительно новые люди различия и народившагося мѣщанства, въ безчисленныхъ образахъ воплощенные Чеховымъ, скорѣе стучали, чѣмъ разрѣжали страшную тѣнь. И съ этой тѣнью жилъ Чеховъ, до конца шелъ съ нею рядомъ. И отъ этого такъ грустно глядѣли его прекрасные глаза, изрѣдка, какъ внезапной молніей, освѣщавшіеся насмѣшкой.

Жить рядомъ съ страшной тѣнью нельзя, не мечтая. Испуганная душа Гоголя искала свою мечту въ дѣйствительности, сейчасъ же, теперь. И такъ будетъ дѣлать всякій, кто игнорируетъ въ жизни всякую общественность; все, — кромѣ личнаго совершенства. Чеховъ могъ переносить свою спутницу потому, что передъ нимъ было будущее.

Это все—временное и преходящее. Жизнь—будетъ, она должна быть — лучше, умнѣе, изящнѣе и красивѣе... «О, мы отдохнемъ, мы отдохнемъ. Мы увидимъ небо въ алмазахъ!» Эта вѣра въ человѣка, въ человѣческую душу — неизбежна для художниковъ. А для такихъ, какъ Гоголь и Чеховъ, она даже и спасительна.

Мимо Чехова также неслась молчаливая тройка. Пассажиры ея были иные, но были прямыми потомками гоголевскихъ пассажировъ. Тутъ былъ и разорившійся помѣщикъ, и студентъ, и профессоръ, на мѣстѣ Держиморды сидѣлъ унтеръ Пришибеевъ. И еще много фигуръ смутно выступало изъ придорожной пыли. Тройка была все та же. Это была Русь. Куда же несешься ты?—Чеховъ не спрашивалъ. Можетъ быть, боялся спросить.

Угасая на чужбинѣ, Чеховъ сравнивалъ чужую жизнь съ родной, мечталъ о томъ, что у мужиковъ будутъ такіе же чистенькіе домики, какъ у нѣмцевъ и живо интересовался общественной жизнью. Въ будущемъ—будетъ лучше, будетъ хорошо. Это подсказывало ему чувство, отказавъ въ томъ же его великому предшественнику. Жадно прислушивался Чеховъ къ извѣстіямъ о начавшейся войнѣ.

Умирая, онъ всматривался впередъ съ тревожной надеждой.

И опять неслась куда-то въ невѣдомую даль молчаливая тройка. Какъ-то довольно неожиданно она переѣхнула направленье. Ярославскій расторопный мужикъ при просвѣщенной помощи Чеховскихъ инженеровъ и профессоровъ сколотилъ колесо покрѣпче. Оно не только доѣхало до Казани, но и оставило ее позади: впереди виднѣлся Мукденъ...

Тургеневъ писалъ, что смертью дано современникамъ горькое право называть Гоголя—великимъ. Такое же горькое право дано намъ смертью относительно Чехова. Прошло сто лѣтъ со дня рожденія Гоголя. И вспоминая его теперь, мы невольно соединяемъ его память съ памятью Чехова. Эти имена соединили могучій и однородный талантъ, страшная драма неприглядной дѣйствительности и безконечной любви и та слава, которой они озаряютъ родину.

Вл. Ладженскій.